

ЕВТУШЕНКО ВСПОМНИЛ ВЗГЛЯД БЕРИИ

(Начало на 1-й стр.)

— Евгений Александрович, в Киеве вы не сталкивались с проявлениями национализма?

— Скорее с молчаливым определенной части людей, в том числе хорошо мне знакомых. Я обратился с открытым письмом к лидеру «Руха» поэту Ивану Драчу: «Иван, почему ты перестал меня замечать? Чем я тебя обидел?». И он появился на моем вечере! Сумел отвлечься от политической риторики, с большим чувством вспоминал шестидесятые годы. Это произвело огромное впечатление на зал. Вот как надо решать такие вопросы — в человеческом общении... А киевские издатели потрясли меня своими темпами. Я такого даже в Америке не видел: передал им рукопись сборника по факсу, и через сорок восемь часов была отпечатана книга — все честь по чести, в цветной обложке.

— А под обложкой...

— Лучшие мои стихи прежних лет и то, что написано в 1999-2000 годах.

— Название многозначительное. «Между Лубянкой и Политехническим» чего только не происходило.

— Я имел в виду прежде всего свою жизнь. На Лубянке допрашивали двоих моих дедов — один из них не вернулся. А еще там стоял неказистый особнячок редакции «Советского спорта». В 49-м году с подачи поэта Николая Тарасова в этой га-

зете напечатали мое первое стихотворение. Помню проезжавшую по площади черную полированную машину и поблескивающие из-за занавески стеклышки пенсне на ястребином носу. Берия любил ездить медленно, рассматривая девичьи ножки. Однажды я поймал его взгляд — или это просто показалось? Но меня после этого долго не оставляло ощущение мороза в коленках. Потом редакционный особнячок снесли.

— А вы стали выступать в Политехе.

— Да. Еще до революции там избирали «короля поэтов». А для моего поколения — Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского — Политех был трамплином. Смешно и печально вспомнить, но тогда принятый к изданию сборник мог лежать в редакции годами, дожидаясь очереди, и к тому же редакторы были обязаны соблюдать пропорцию: одно лирическое стихотворение (а несколько «производственных»). Считалось, что лирика отвлекает народ от коммунистического строительства. А в Политехническом можно было прочитать сцены новое стихотворение и сразу получить оценку публики. Надо сказать, что и в те годы поэтического бума и относительных свобод Лубянка не спускала с нас глаз. Меня, как и многих студентов Литинститута, пытались вербовать. По совету Михаила Луконина я как можно больше распро-

сил о предстоящей мне «работе». А потом ответил, что, видите ли, отношусь к тем людям, которые неспособны хранить тайну и к тому же не представляю, как смогу одновременно писать доносы на своих товарищей и стихи.

— А памятник политзаключенным — валун из Соловецких лагерей...

— ...Установлен как раз в скверике, разбитом на месте редакции «Советского спорта». Я тогда был сопредседателем общества «Мемориал» и открывал этот монумент. В те же годы я стоял со свечой в живой цепочке, которая опоясывала здание КГБ — это была еще одна акция «Мемориала» в память о жертвах репрессий.

— Предугадываю ваш ответ, но все же спрошу: как вы относитесь к восстановлению памятника Дзержинскому на прежнем месте?

— Дзержинский — фигура драматическая. Политзаключенный, который мечтал разрушить тюрьмы, стал одним из создателей тайной полиции. А потом люди, для которых он был предтечей, знаменем, закончили «дело Дзержинского», опутав страну самой зловещей сетью лагерей и тюрем в мире. Если памятник решат восстанавливать, я прилечу из любого уголка земного шара, чтобы встать в первые ряды демонстрации протеста. А демонстрация будет обязательно! Дзержинский — бронзовый эмбрион гражданской войны, кото-

рую мы уже едва не получили в 93-м году. Тогда гибли не только сознательные противники Ельцина, но и случайные люди... Война слепа, в этом весь ее ужас. Так что лучше не заклинять тени прошлого. Пускай Дзержинский стоит там, где стоит.

— Вернемся к предстоящему выступлению в Политехе. Что будет гвоздем вечера?

— Лично для меня — встреча с Алексеем Марчуком, героем поэмы «Братская ГЭС».

— Который «Марчук играет на гитаре, а море Братское поет»?

— Да. Как-то мы растеряли друг друга в жизни, а теперь я его нашел... Будут выступать Сергей Никитин и молодой американский поэт Кейтс Франклин. Кстати, на вечер приедут десять студентов из Оклахомы — послушать своего профессора. А еще я представлю третий том своего собрания сочинений, куда вошли стихотворения с 66-го по 70-й год.

— А для «ВК» вы не найдете новое стихотворение?

— Отчего нет? «Кедровый орешек» был написан на «капустник», а потом я еще долго над ним работал. Ваши читатели будут первыми судьями окончательного варианта.

Беседовал Евгений НЕКРАСОВ
На снимке: Евгений Евтушенко в редакции «ВК».

КЕДРОВЫЙ ОРЕШЕК

Тэффи Коржановскому — великому судовому повару, с которым мы вместе прошли семь сибирских рек, начиная с плавания по Лене на карбасе «Микешкин»

Когда я нашел в очень дальней стране кедровый орешек в кармане на дне, я вдруг позавидовал преждему мне.

Здесь всюду свобода, как будто вода всегда на столах, вся в квадратиках льда, а мне бы Байкала глоток иногда, чтоб горло царапнуло вместе с глотком чешуйка, уроненная омульком.

Я был в несвободе позорной рожден, но я расквитался с убийцей-вождем внутри несвободы свободой своей, составленной мной из подруг и друзей. А в реках сибирских живая вода, и здесь я свободен был, как никогда.

«Микешкин» всплывает, весь в тину одет. Другам не бывает по семьдесят лет, и непотопляемы те корабли, которые молодость нам сберегли.

Нас вместе когда-то в нескучный наш век ласкали русалки полдюжины рек. Нам родичи — Лена, Виллой, Селенга, Витим и колючее море-тайга. Среди перекатов и тиксинских льдин наш Тэфик был поваром номер один, и булькала пшенная каша Коржа, и прыгали нежные шкварки с ножа, и пшенка, немножечко подгорев, на что-то порой выражала свой гнев.

Наш кореш когда-то сказал хорошо: «Я не перешупал всех девок ишо!» Но Тэфик ответил, красиво влепя: «А ты попытайся нащупать себя!»

Кедровый орешек в кармане на дне, не станешь ты деревом в дальней стране. Куда и зачем от себя я бегу? Нащупать себя и страну не могу.

Когда мы орешками вновь щелканем и, над шиверами летя, шиканем, когда нас опять созовет Шинкарев — любимый начальник единственный мой, и все мы вернемся в тайгу, как домой?

А кто мы такие? Мы прежние те? А, может, как ржавые баржи, — в хвосте? А, может, негаданно сплыв с ума, Россия «Титаник» и айсберг сама?

Мы вдруг очутились в России другой которая пахнет деньгой, не тайгой, но мы — та Россия, которая не умрет, оказавшись и чужой стране.

Микешкинский колокол вместе со мной живет, как товарищ, под крышей одной, готовый всегда зазвонить над страной, и я не привыкну, как он не привык, к тому, чтобы нам завязался язык.

Напрасно тоскуешь, мой бронзовый брат. Порою слышнее неслышный набат. Политика — лишь лжесвобода рабов. Свободы есть две — это дружба, любовь.

Взойдет, во всемирной шумя вышине, орешек, Сибирью подаренный мне!